

Моцарт В.-А.
(оркестровка)

23.08.05

звук флейты слышится едва

«Волшебная флейта» Моцарта в Зальцбурге

Илья Овчинников ЗАЛЬЦБУРГ

Город, в котором родился Моцарт, готовится к 250-летию со дня рождения композитора: следующим летом здесь будут исполнены все его оперы. Проект многообещающий, однако две постановки, осуществленные за год до юбилейной даты, демонстрируют либо неразвитость плодотворных идей — случай «Митридата», либо их осязаемую нехватку — случай «Волшебной флейты».

«Моцарт 22» — огромными буквами написано на плакатах, висящих по всему центру Зальцбурга: двадцать две оперы Моцарта покажут здесь на будущий год, причем одна будет продублирована в концертном исполнении, а еще две представит Зальцбургский театр марионеток. Помимо мемориального, проект имеет просветительское значение: даже искусные меломаны называют от силы десяток опер Моцарта, не справляясь с энциклопедией, и вспомнить об остальных стоит хотя бы раз в пятьдесят лет. Жаль только, если в погоне за количеством фестиваль забудет о качестве: именно такие опасения внушает «Волшебная флейта» в новой постановке Грэма Вика. Одно из последних сочинений Моцарта, «Флейта» — опера, безусловно, гениальная, и сам факт очередного обращения к ней вроде бы не может вызывать вопросов: это тот шедевр, что всегда хорош. Тем не менее интересно было бы понять, чем обосновано ее присутствие в нынешней фестивальной программе.

В случае со спорной, но любопытной постановкой «Митридата» (см. предыдущий номер Газеты) подобного недоумения не возникает: этапная работа юного Моцарта, мелодии которой отнюдь не на слуху, ставилась в Зальцбурге лишь дважды — ее не грех вспомнить и без юбилея. «Волшебная флейта», в свою очередь, значилась в программе фестиваля около сорока раз, в полтора

десятиках разных инсценировок; наиболее успешной оказалась версия Джеймса Левайна и Жан-Пьера Поннелля, шедшая на протяжении девяти сезонов подряд. Но чтобы представить оперу публике вновь, недостаточно кануна круглой даты, беспроигрышного названия и звездного состава исполнителей; на сей же раз, кажется, этого вполне хватило составителям программы и авторам спектакля. Грэм Вик — опытный режиссер, в течение семи лет ставивший на Глайндборнском фестивале репертуар от Моцарта и Чайковского до Дебюсси и Берга. Однако возникает впечатление, будто он не знает, что делать с запутанным сверх меры сюжетом «Волшебной флейты» и как могут помочь результату безграничные сценические ресурсы Большого зала Фестшпильхауза.

Между тем это достаточно легко вообразить в общих чертах, поскольку дух постановки явно тяготеет скорее к роскоши, нежели к аскетизму: если уж опера перегружена персонажами и сюжетными линиями, можно было бы соответственно перегрузить и изобразительный ряд, дабы добавить здорового абсурда и не дать зрителю опомниться ни на секунду. В какой-то степени подобная попытка была сделана, тем более что технически на этой сцене действительно возможно все что угодно. Еще утром здесь давал концерт Венский филармонический оркестр, а вечером на ней — винтовые

лестницы, поля подсолнухов, среди которых бродят лев, обезьяна и русалка, плюс огромная яма неясного назначения, из которой выкидывают землю мужики с лопатами. Однако степень и абсурда, и веселья можно было бы увеличить вдесятеро, ведь «Волшебная флейта» изначально очень веселая опера.

Тем удивительнее, например, сцена встречи Тамино (блистательный Михаэль Шаде, звезда прошлогодней постановки «Король Артур») и Памины (дебютантка Зальцбурга Гениа Кюхмейер): обнимая одной рукой любимого, другой Памина стреляет себе в висок. Пистолет дает осечку, что, вероятно, символизирует благосклонность судьбы к союзу героев, однако, в чем смысл столь мрачных символов, не вполне понятно. Куда более была бы уместна подобная режиссерская «отсебятина» с обратным — веселым — знаком: чем больше русалок и прочей нечисти, тем лучше. Мрачновато выглядит и хоровая массовка, превосходно поющая, но одетая как толпа не то беженцев, не то нищих. Вероятно, веселья в спектакле не хватило не только автору этих строк: публика с энтузиазмом приветствовала солистов (особенно бурных восторгов удостоилась исполнительница партии Царицы Ночи — Анна-Кристина Каппола) и дирижера Риккардо Мути, однако аплодисменты сошли на нет даже быстрее, чем предполагают приличия.

Гениа Кюхмейер (Памина) и Маркус Верба (Папагено) в «Волшебной флейте» Фотограф: Hans Jorg Michel